

К счастью, Лин Сяо не забрал у Ю Сяомо половину души. Но это не значило, что он передумал. Он мог сделать это когда угодно — сейчас, завтра, через месяц. Именно от этой давящей неопределённости, от ощущения, будто к горлу постоянно приставлен нож, Ю Сяомо и провёл самую беспокойную ночь с момента своего попадания в этот мир.

На следующий день, подчинившись деспотичной воле Лин Сяо, он отправился с ним к месту сбора. Он не хотел, но попробуй воспротивиться, и Лин Сяо вполне мог тут же осуществить свою угрозу. Когда же они вместе предстали перед всеми, Ю Сяомо понял, что неприятности только начались.

Из никем не приметной серой мыши он в мгновение превратился в центр всеобщего внимания.

Первой среагировала Тан Юньци. Она тут же подлетела к Лин Сяо. Окинув Ю Сяомо взглядом, полным нескрываемого пренебрежения — будто он был не человеком, а мелкой, отвратительной букашкой, — она обратилась к Лин Сяо:

— Старший братик, ты завершил свои дела? — её голос звучал приторно-сладко, резко контрастируя с только что брошенным на Ю Сяомо взглядом.

Лин Сяо кивнул с холодным равнодушием. На этот раз он даже не пытался притворяться — симпатии к Тан Юньци у него не было ни капли.

Впрочем, обычно Лин Сяо и относился к ней именно так, поэтому окружающим это не показалось странным. А вот Ю Сяомо мысленно с облегчением вытер пот со лба. Он уже было хотел попытаться тихонько улизнуть — незаметно смешаться с толпой, — как Тан Юньци обрушила на него свой гнев.

— Старший братик, как вышло, что ты с этим...? — она вцепилась в руку Лин Сяо, а её прекрасное лицо исказила гримаса отвращения.

Лин Сяо плавно, но неумолимо высвободил свою руку из её хватки, и мягкая улыбка озарила его лицо.

— Разве существуют правила, запрещающие нам появляться вместе?

Улыбка Лин Сяо излучала искреннее, почти пасторальное тепло. На этом, не принадлежавшем ему красивом лице, она выглядела настолько органично, что казалась единственно верной. Но лишь один Ю Сяомо знал, что это — иллюзия. Он вчера сам видел, как нынешний Лин Сяо, легко и непринуждённо, будто играючи, менял одну маску за другой, словно актёр, отыгрывающий в одиночку всех персонажей одной пьесы. Сколько же у него было личин на самом деле? Точно не одна и не две, а гораздо больше.

Милостивое лицо Тан Юньци исказила гримаса неподдельного изумления. Ей, видимо, было трудно поверить, что Лин Сяо может говорить с ней таким тоном.

Дядя Мо Гу тоже заметил, что сегодняшней Лин Сяо отличается от прежнего, но ему и в голову не пришло усомниться, что перед ним не тот человек, которого он знал. Хотя он и удивился, что Лин Сяо явился вместе с ничем не примечательным учеником с Пика Единения, но не придавал этому особого значения.

— Раз все собрались, тогда в путь!

Сказав это, дядя Мо Гу повел учеников к форпосту секты, где их ждали Крылатые Птицы.

Ю Сяомо уже было собрался незаметно проскользнуть к своим братьям по учению с Пика Единения, но едва он сделал пару шагов в их сторону, как кто-то настойчиво потянул его за ворот одежд — с такой силой, что чуть не придушил. И буквально через мгновение стало понятно, кто это был.

— Младший брат, а ты куда собрался? — Лин Сяо смотрел на него с такой «нежностью», что у Ю Сяомо снова затряслись поджилки от страха.

Вжав голову в плечи, он пробормотал:

— Ни... никуда.

Лин Сяо, казалось, остался доволен его малодушием. Отпустив ворот, он бросил:

— Иди за мной, — и, не оглядываясь, направился вслед за дядей Мо Гу и остальными учениками к транспортной площадке.

Тан Юньци же, ставшая свидетелем этой короткой сцены, возненавидела Ю Сяомо всеми фибрами своей души. Прежде чем последовать за группой, она окинула его убийственным взглядом.

Ю Сяомо, понуро опустив голову, покорно плёлся следом за Лин Сяо.

Время, проведённое вне секты, началось за здравие, закончилось за упокой. Он навлек на себя сверхсложную проблему в лице Лин Сяо, привлёк всеобщее внимание, и Тан Юньци теперь видит в нём смертельного врага. Его жизнь, лишь недавно обретшая подобие покоя, снова погрузилась в пучину тревог.

На площади форпоста, где ждали Крылатые Птицы, Тан Юньци снова окинула Ю Сяомо взглядом, переполненным яростью. На этот раз её гнев был ещё очевиднее, ведь Лин Сяо сообщил, что Ю Сяомо полетит с ним на одной птице. Хотя прозвучало это ровно, в интонациях его голоса сквозила стальная непреклонность.

Более того, из-за этого злобные взгляды сыпались на Ю Сяомо уже не только от Тан Юньци. Несколько старших братьев по учению с Пика Неба смотрели на него без особой доброты. Особенно вне себя были братья по учению с Пика Единения — их лица буквально пылали от негодования.

— Младший брат, садись сюда. — Лин Сяо похлопал по сиденью рядом с собой, глядя на Ю Сяомо, замершего в нерешительности.

Едва эти слова были произнесены, на Ю Сяомо обрушился град взглядов — полных зависти, гнева и... смутного восхищения.

Тан Юньци не выдержала и воскликнула:

— Старший братик, но это же моё место!

— Ах, вот как! — Лин Сяо будто лишь сейчас вспомнил об этом. Подумав, он сказал: — Что ж, тогда я пересеяду, — с этими словами он легко поднялся, спрыгнул на землю и направился туда, где в нерешительности топтался Ю Сяомо.

Под безмолвным, непререкаемым давлением Лин Сяо, Ю Сяомо покорно взобрался на

Крылатую Птицу и уселся на одно из свободных задних мест. Лин Сяо тут же последовал за ним и устроился рядом. Было видно, что ему совершенно безразлична реакция остальных, в том числе и Тан Юньци, которая, казалось, вот-вот зарыдает от обиды и злости.

Дядя Мо Гу молча наблюдал за этой сценой.

Да и мог ли он позволить себе реагировать иначе? Тан Юньци — любимая дочь Верховного Наставника. Лин Сяо — его старший ученик и главная надежда секты. Мо Гу же был всего лишь старейшиной. Вяizzlyваться в их отношения для человека его положения значило подписать себе приговор. К тому же он отчасти знал характер Лин Сяо. Если бы он и впрямь питал чувства к Тан Юньци, он давно бы их проявил, а не держался с ней с самого начала с подчёркнутой отстранённостью.

В конечном итоге Тан Юньци, хотя и отстояла своё место, лишь оттолкнула от себя Лин Сяо. Ирония была в том, что она злилась и ревновала, даже не подозревая, что объект её чувств — совсем не тот Лин Сяо, которого она знала, а совершенно другой человек.

Как только Крылатая Птица взмыла ввысь, возмущённые тирады Тан Юньци растворились в рёве встречного ветра.

На такой скорости разговаривать было бесполезно, потому воцарялась вынужденная тишина. Ю Сяомо уже закрыл глаза, готовый утонуть в пучине собственных мыслей, как вдруг сквозь оглушительный гул ветра прямо в его ухе — да, точно внутри уха, не иначе, — прозвучал насмешливый, ироничный голос:

— Младший брат, смотри-ка, теперь тебе все завидуют.

И тут Ю Сяомо внезапно осенило: всё это — и требование лететь вместе, и сесть рядом, и показная доброта — было чистой воды подстрекательством! Лин Сяо намеренно сделал его мишенью для всеобщей неприязни. Возможно, просто так, от скуки.

От этого открытия, будучи вне себя от возмущения, Ю Сяомо чуть ли не всем корпусом повернулся к Лин Сяо — движение было машинальным, порывистым — и утонул в его смеющемся взгляде.

Так они и замерли: Ю Сяомо смотрел на Лин Сяо с немым, ярким упрёком, а Лин Сяо — так, будто ещё чуть-чуть и покатится со смеху.

Откровенно говоря, если бы не эта его фраза, Ю Сяомо так бы и не догадался, что Лин Сяо вёл себя с ним так нарочно.

Весь оставшийся путь до Небесного Сердца Ю Сяомо мысленно пережёвывал «юмор» Лин Сяо. Что удивительно, новых «острот» не последовало — всю дорогу Лин Сяо вёл себя безупречно.

На горной развилке дядя Мо Гу хотел было предложить Лин Сяо идти с ними, но не успел. Лин Сяо опередил его, спокойно сообщив, что проводит Ю Сяомо. Под испепеляющими взглядами Тан Юньци, оглядывавшейся на каждом шагу, Ю Сяомо ничего не оставалось, кроме как идти вместе с Лин Сяо на Пик Единения.

К счастью, авторитет Лин Сяо был высок и непререкаем — братья по учению с Пика Единения не осмеливались и слова поперёк сказать. Лишь украдкой, исподволь они, нет-нет да, поглядывали на него. И в этих скрытых взглядах читалось жгучее недоумение: как так могло случиться, что за один-единственный день совершенно непримечательный бесперспективный

новичок Ю Сяомо умудрился стать закадычным другом Лин Сяо, старшего ученика самого Верховного Наставника?

Лин Сяо сопровождал Ю Сяомо вплоть до самого жилища. К счастью, в это время шли утренние занятия, и дорога была пустынна.

Толкнув дверь, Ю Сяомо вошёл внутрь. Лин Сяо, оставшись на пороге, беглым взглядом оценил обстановку.

— Какая же тут убогость! — констатировал он, и в интонациях его голоса не было ни капли снисхождения.

Ю Сяомо машинально полуобернулся, но смотрел не на Лин Сяо, а куда-то в сторону окна.

— Все комнаты на Пике Единения такие, — говорил он тихо и будто бы с усилием. — Если вам... не по нраву... вы можете вернуться в свою... — последние его слова и вовсе потонули в безгласном шёпоте.

Но Лин Сяо слышал каждое слово.

— Младший брат Сяомо, — протянул он сладким, медовым голосом, в котором явственно переливался смех, — а что, если я буду жить с тобой?

Ю Сяомо в ужасе уставился на него. Не может быть! Нет-нет-нет, только не это!

Его реакция окончательно развеселила Лин Сяо. И он рассмеялся открыто — громко и от души.

Ю Сяомо же понял: это снова была провокация, он снова позволил себя одурачить! Мысль обожгла его. Весь от макушки до пят он покраснел как маков цвет, но парировать так и не смог.

В конце концов, Лин Сяо не остался — его срочно вызвал Великий Наставник по неотложному делу. Но прежде чем уйти, он ещё раз неспешно оглядел скромное жилище Ю Сяомо. Взгляд его был оценивающим и собственническим, точь-в-точь как у помещика, осматривающего новоприобретённые угодья.

Едва дверь за ним закрылась, Ю Сяомо, совершенно обессиленный, опустился на кровать. Он долго сидел неподвижно, уставившись в пустоту перед собой. Что же... Спуск с гор выдался на редкость... насыщенным...

<http://bllate.org/book/13207/1177577>